

# Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике\*

П.Б. Паршин

МГИМО (У) МИД РФ

tsmi@mgimo.ru

## 1. Предварительные замечания.

**Замечание первое.** Неуклюжесть названия данного текста – преднамеренна и призвана явно обозначить отсылку к работе [Алпатов 1993], в которой было детально проанализировано и проиллюстрировано примерами из истории лингвистической мысли (прежде всего морфологического анализа) методологическое противопоставление так называемых *антропоцентричного* и *системоцентричного* подходов к изучению языка<sup>[1]</sup>.

Антропоцентричным был назван традиционный и исторически первичный для науки о языке подход, при котором исходным пунктом является лингвистическая интуиция носителя языка, а основной задачей – описание свойств тех сущностей и явлений, которая эта интуиция в языке усматривает. Тексты при этом играют подчиненную роль и используются в основном как источник подтверждающих интуицию примеров. При системоцентричном же подходе исходным пунктом исследования являются именно тексты – продукты языковой деятельности, рассматриваемые как некоторые заведомо внеположенные исследователю объекты, допускающие, елико возможно, объективное исследование и вызывающие к нему. Основной задачей становится описание закономерностей устройства текстов, а через них – языковой системы как порождающего эти тексты устройства. Методологическим идеалом системоцентрического подхода к языку являются естественные науки, временем расцвета – XX век, начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, наиболее адекватной формой существования – дескриптивизм, а высшим развитием – программа анализа языка как дешифровки. При этом “каждый подход имеет свои плюсы и минусы. Антропоцентричный подход позволяет построить психологически адекватные описания, однако он дает принципиально не допускающие проверки результаты <...>, а его применение к языкам, далеким по строю от родного языка лингвиста, приводит к неадекватным результатам; антропоцентричные описания, выполненные в рамках разных лингвистических традиций, весьма трудно сопоставлять. Системоцентричный подход, наоборот, позволяет получить «работающие», сопоставимые и формализуемые описания, но они могут оказаться психологически неадекватными, т. е. искаженно представляющими реальный психолингвистический механизм. Исследователю в этом случае приходится проходить между Сциллой логически безупречного, но интуитивно неприемлемого решения и Харибдой более соответствующей интуиции, на значительно усложняющей описание, а то и противоречивой трактовки” [Алпатов 1993: 25]. На практике такой маневр проявляется в том, что ни один подход практически никогда не бывает представлен в абсолютно чистом виде.

В докладе предпринимается попытка не просто обосновать применимость противопоставления антропоцентричного и системоцентричного подходов к нуждам исследования языковой деятельности в рамках политической коммуникации, но и продемонстрировать наличие у этого противопоставления ряда следствий, очень существенных для стратегии такого исследования.

**Замечание второе.** Осознание этого последнего факта имело место при попытке воплощения в жизнь исследовательской программы, изложенной в работах [Паршин 1996; 1997]. В первой из них было предложено считать преждевременными и, более того, неправомерными (в силу их явного несоответствия реальной эмпирической базе проведенных разысканий) широко распространенные обобщающие утверждения относительно структурных свойств “политического языка” вообще. На практике (и публикации последних лет – такие, например, как [Дука 1998; Алтунян 1999; Михальская 1996, 1999; Какорина 2000 или большинство статей из сборника PDTE 1998], это лишний раз подтвердили) объектом исследования являются конкретные идиополитические дискурсы – способы говорения (resp. речевые произведения), характерные для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действия (такое понимание дискурса восходит к М. Фуко). Такие исследования носят характер case studies[2], да к тому же они обычно бывают ограничены и в плане рассматриваемых языковых явлений. Ничего удивительного или предосудительного в их партикулярности нет, напротив, она абсолютно естественна, однако переносить структурные свойства конкретных идиополитических дискурсов (пусть даже не индивидуальных, а более обобщенных, типа, например, дискурса тоталитаризма) на политический дискурс как некоторую абстракцию или хотя бы даже утверждать, что такой абстракции может быть дана нетривиальная структурная характеристика[3] – это то же самое, что судить о свойствах человеческого языка вообще на основании особенностей какого-то одного идиоэтнического языка (скажем, своего родного или латинского, как это делалось на протяжении многих веков). Из этого тезиса естественным образом вытекала задача дескриптивного (sic! – см. ниже) структурного описания максимально возможного числа идиополитических дискурсов с целью выявления их структурного своеобразия[4]. Поскольку, однако, рассчитывать на то, что структурное своеобразие идиополитических дискурсов будет сопоставимо с различием между идиоэтническими языками или хотя бы со своеобразием диалектов В. Хлебникова или А. Платонова особенно не приходится (хотя и исключать такое априори тоже, наверное, не следует), понятие структурного своеобразия идиополитического языка расширяется (именно поэтому и говорится не о языке, а о дискурсе), включая в себя, во-первых, всю совокупность содержательных особенностей политических текстов (очевидно, что тексты, например, Г. А. Зюганова опознаются – если отвлечься от голоса, речь о котором впереди – не столько по тому, КАК, сколько по тому, ЧТО он говорит, и это не единственный пример), и, во-вторых – разнообразные количественные тенденции в употреблении тех или иных формальных и/или содержательных компонентов. В [Паршин 1997] как раз и был предложен предварительных список языковых элементов и конструкций, тенденции в употреблении которых могут претендовать на статус структурных особенностей тех или иных идиополитических дискурсов.

**Замечание третье** – *inter alia*. Присутствующее в названии статьи выражение “политическая лингвистика” вполне способно вызвать как минимум оторопь, однако оно проще, чем “теория политического дискурса” и т. п. обозначения, и при этом устроено так же, как давно уже привычное название дисциплины “политическая психология”: определение в нем относится не к самой науке, а к ее объекту.

## 2. Что интересует аналитиков политического дискурса?

Итак, имеется следующая задача: инвентаризовать идиополитические дискурсы (хотя бы в первом приближении и хотя бы для конкретной национальной сцены и относительно фиксированного периода времени – скажем, для России 1990-х гг.) и показать, в чем заключается их структурное своеобразие. Как же соотносится данная задача с упомянутым выше противопоставлением антропоцентричности и системоцентричности в подходе к языку, в данном случае – фактически дискурсу политики?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, естественно поинтересоваться тем, а что вообще может быть сделано и реально делается в политической лингвистике. Анализ имеющейся литературы показывает, что различные исследовательские начинания в этой и смежных (по тем или иным параметрам) областях довольно отчетливо распадаются на два типа[5], которые можно определить как (1) *описание и систематизацию очевидного* и (2) *экспликацию неявного*.

Первый тип наиболее отчетливо представлен в исследованиях, позиционируемых их авторами в терминах политической риторики и/или, скажем так, политической филологии – см., например, упоминавшиеся выше работы А.Г. Алтуняна, части III-IV “Русского Сократа” А.К. Михальской или монографию [Ильин 1997]: эти публикации очень различны, однако объединяет их то, что объектом анализа в них выступают интуитивно наглядные и легко идентифицируемые объекты и/или явления, задача же исследователя заключается в возможно более полном описании их свойств в синхронном или диахронном аспектах.

Прототипический пример исследований второго типа – это многочисленные (чтобы не сказать бесчисленные) разновидности контент-анализа с его характерной претензией на “чтение между строк” и обнаружение некоторыми специальными инструментальными методами в текстах таких данных, которые в противном случае остались бы либо и вовсе не замеченными, либо воспринимаемыми в некоем не вполне сознательном режиме. Еще более яркий пример исследований второго типа, представленный, правда, в основном за пределами политической лингвистики – это работы по установлению авторства (см., например, коллективную монографию [ОНФ 1994]). Методы такого установления часто применяются в ситуациях скрываемого авторства и поэтому принципиально ориентированы на анализ таких особенностей устройства текста, которые в норме находятся за пределами сознательного контроля авторов (к таким особенностям относятся, в частности, преференции в употреблении лексических, грамматических и синтаксических синонимических средств: кто-то предпочитает, скажем, конструкцию *и X, и Y*, а кто-то – *как X, так и Y*).

Если обратиться к методам исследования текстов, популярным в собственно политологии, то окажется, что, например, операционный код (О. Холсти) относится к первой категории, а когнитивное картирование (Р. Аксельрод и др.) или исследование когнитивной сложности (Ф. Тетлок) – ко второй[6]; макроструктурный же анализ политических текстов сочетает в себе черты обоих типов в зависимости от того, какого рода макроструктуры являются объектом анализа.

Легко заметить, что названные два типа исследований отчетливо коррелируют с охарактеризованным ранее противопоставлением двух подходов к изучению языка. Так чем же по своей сути должна быть задача инвентаризации идиополитических дискурсов: антропоцентричным описанием интуитивно очевидного или системоцентричной экспликацией неявного?

В момент формирования упомянутой выше исследовательской программы очевидным – что и проявлялось в апелляции к практике дескриптивизма – казался второй ответ. Попытка же реализации программы привела к убеждению в необходимости сделать – для того, чтобы начать движение – еще один шаг назад: не делая никаких сильных обобщений, отступить на исторически первичные для лингвистики додескриптивистские антропоцентрические позиции и попытаться выяснить, что именно в идиополитических дискурсах реально воспринимается их адресатами как параметры их социально-психологического своеобразия. Иначе говоря,

просматривается необходимость начать с выявления психолингвистической реальности идиополитических дискурсов и лишь после этого “формулировать воспринятое в четких понятиях” (как выразился когда-то В. фон Гумбольдт).

В пользу такого подхода можно привести, помимо собственно методологических вполне прагматические соображения: при обратной расстановке приоритетов велика вероятность выявления неких параметров своеобразия, которые, однако, непосредственно не ощущаются реципиентами политических текстов и не являются для них диагностическими с точки зрения опознания идиосинкразического характера того или иного политического дискурса. При наличии определенной фантазии (и свидетельством здесь опыт не только научных исследований, но и культурологической эссеистики) почти любые структурные параметры любого текста, в том числе и политического, могут быть подвергнуты разнообразным и потенциально очень интересным интерпретациям; это заведомо относится и к параметрам, приведенным в [Паршин 1997]. Вопрос, однако, в том, обладают ли эти параметры социально-психологической реальностью: если нет, то обращение к таким параметрам оставит задачу инвентаризации идиополитических дискурсов без решения.

Вопрос о социально-психологической реальности носит сугубо эмпирический характер и существенно меняет характер исследования: очевидной становится необходимость обращения к политико-лингвистическому сознанию информантов, а это, помимо ряда организационных (чтобы не сказать финансовых) сложностей, влечет за собой и целый комплекс проблем методологического характера. Как было показано еще в [Дридзе 1980], восприятие политических текстов массовой аудиторией является довольно причудливым. Разумеется, Т.М. Дридзе проводила свои исследования в 1970-х гг., и с тех пор многое в сфере политической коммуникации изменилось (собственно говоря, международно-политические по тематике тексты СМИ в экспериментах Дридзе с функциональной точки зрения даже трудно назвать политическими), однако и в середине 1990-х гг. мне довелось знакомиться с результатами опроса, в котором убежденная сторонница “Яблока” не только не опознала предъявленный ей анонимизированный текст Г.А. Явлинского, но и резко отозвалась о нем как о типичном примере коммунистической демагогии. При всей своей ироничности (а возможно, и диагностичности) этот последний пример свидетельствует, однако, и о том, что некая типология идиополитических дискурсов и их отличительных признаков в сознании по крайней мере части реципиентов современных политических текстов существует, и ее необходимо выявить – и лишь после этого смотреть, какие же языковые средства к числу этих отличительных признаков относятся.

Некоторые гипотезы относительно типологии и отличительных признаков построить достаточно легко уже на основании личной интуиции. Например, имеется достаточно много оснований постулировать такие обобщенные типы идиополитических дискурсов, как

- \* коммуно-популистский,
- \* почвенно-националистический,
- \* государственный [при всей своей близости эти три типа отнюдь не тождественны, хотя и могут быть объединены в макротип традиционалистического дискурса],
- \* либерально-апологетический,
- \* либерально-критический,
- \* тотально-иронический (“пофигистский”) и нек. др.

Типология эта с очевидностью эволюционирует вместе в политико-идеологическими трансформациями: так, с осени 1999 г. все более ощущается сближение либерально-апологетического дискурса с государственным. Это, впрочем, тривиально; менее

тривиален, например, вопрос о соотношении указанных обобщенных типов с идиодискурсной спецификой конкретных СМИ (а современный российский политический дискурс – это на 90% дискурс СМИ) и индивидуальным дискурсом их ведущих колумнистов.

Интуитивно очевидны и некоторые отличительные признаки, явно используемых как “фирменные знаки” тех или иных типов политических дискурсов – это прежде всего специфическая лексика (тоже эволюционирующая со временем) типа знаменитого *однозначно* В.В. Жириновского. Однако каков точный состав таких лексических маркеров, какие из них воспринимаются, а какие нет – это уже не столь частый пример истины, фактически устанавливаемой путем голосования.

Особым параметром своеобразия в случае устных текстов с очевидностью является голос (а в случае аудиовизуальных текстов – и облик говорящего). Описание голоса как параметра дискурсного своеобразия представляет собой достаточно нетрадиционную задачу, хотя фактически он была поставлена еще Э. Сепиром (см. [Сепир 1993]), однако если принимать то определение идиополитического дискурса, которое было оговорено в [Паршин 1996], то голос выступает фактически в роли эквивалента специфической для каждого идиоэтнического языка фонетики – а уж фонетическое-то своеобразие воспринимается чрезвычайно отчетливо. В то же время особый интерес представляет идентифицируемость идиополитических дискурсов при “отключенном” фонетическом канале.

Очевидно также, что эмпирическое антропоцентричное описание идиополитических дискурсов сопряжено с целым комплексом экстралингвистических проблем, связанных с особенностями функционирования современной системы массовой политической коммуникации.

### 3. Контуры эксперимента

С целью проверить некоторые интуитивные гипотезы планируется провести опрос реципиентов политических текстов<sup>[7]</sup>, в ходе которых им будут предъявлены анонимизированные тексты и будет предложено, помимо вопросов о читательском/зрительском рационе и общем впечатлении от текста, ответить также на вопросы о предполагаемом авторстве текста (с возможностью выбирать или конкретные имена, или названия СМИ, или политические силы – в соответствии с пониманием их реципиентом –, стоящие за текстом), а также указать, на основании каких именно содержащихся в тексте данных ими строятся предположения об авторстве. Обработка этих результатов в качестве первичных данных, как представляется, поможет в дальнейшем сузить задачу построения системоцентричной типологии идиополитических дискурсов – отнюдь, конечно, не отменяя и перспективу экспликационного анализа безотносительно к фактам восприятия, тем более важного в связи с проблемой неосознанного восприятия, на которой, однако, мне не хотелось бы здесь останавливаться в связи с многочисленными спекуляциями вокруг нее.

### Литература

*Алпатов В.М.* Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания, 1993, № 3.

*Алтунян А.Г.* От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов. – М., 1999

*Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. – М., 1994

*Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. – М., 1980

*Дука А.В.* Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии, т. 1 (1998), № 1 [<http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a9.html>]

*Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997

*Какорина Е.В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М., 2000

*Михальская А.К.* Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М., 1996.

*Михальская А.* О речевом поведении политиков // Независимая газета, 1999, № 227 (3 декабря) [[http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8\\_politics.html](http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8_politics.html)]

От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / Под ред. Л.В. Милова. – М., 1994

*Паршин П.Б.* Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник. 1986. – М., 1987

*Паршин П.Б.* Идиополитический дискурс // Труды международного семинара Диалог'96. – М., 1996.

*Паршин П.Б.* Функционально-семантические основания идеологического дискурса // Труды международного семинара Диалог'97. – М., 1997.

*Рахилина Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. – М., 1989.

*Сепир Э.* Речь как черта личности // Сепир Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Political Discourse in Transition in Europe 1989-1991 / Ed. by P.A. Chilton, M.V. Ilyin and J. May. - Amst.; Philadelphia, 1998.

*Soames S.* Linguistics and Psychology // Linguistics and Philosophy, vol. 7 (1984), pp. 155-179.

\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 98-06-80363 и гранта Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation No. 519/1998.

[1] Первоначально, в [Алпатов 1982], эти подходы были обозначены как словоцентричный и несловоцентричный, но в дальнейшем для них были приняты более общие названия, предложенные по несколько иному поводу в [Рахилина 1989]). В принципе, можно было бы рассмотреть и отношения данной оппозиции к совсем уж фундаментальным противопоставлениям типа речь vs. язык или психология vs. лингвистика (ср. [Soames 1984]), однако это увело бы нас слишком далеко.

[2] Редким исключением, пожалуй, можно считать словарь [Баранов и Караулов 1994], построенный на весьма представительной выборке, но он зато сосредоточен лишь на одном из аспектов своеобразия политических текстов.

[3] Обобщающую функциональную характеристику политического дискурса дать, конечно, можно; о содержательной см. ниже.

[4] В уже упоминавшейся методологической работе С. Соумса первым из “ведущих вопросов” (Leading Questions) лингвистики назван вопрос о том, в чем естественные языки сходны, а в чем – отличны друг от друга [Soames 1984: 158].

[5] Различных подходов к изучению политического дискурса можно выделить достаточно много. Мне доводилось обзрывать их с точки зрения как исследовательских мотиваций [Паршин 1996], так и конкретных исследовательских методик [Паршин 1987], однако излагаемые ниже соображения ни с одной из этих типологий не совпадают.

[6] Говоря о двух последних методах, а во многом и о контент-анализе, можно усмотреть некоторый парадокс в том, что исследования, декларируемой задачей которых является проникновение в психологические структуры субъектов политического действия, носят отчетливо системоцентрический характер.

[7] Подобный опрос проводился с участием автора в 1995-1996 гг. в рамках исследовательского проекта, инициированного Р. Андерсоном (UCLA); в нем, однако, иначе формулировался вопрос о предполагаемом авторстве и не задавался вопрос об основанности предположений относительно авторства. К моменту проведения семинара “Диалог’2000” результаты опроса должны были быть обработаны и проанализированы.